

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2026-51-1-13-23

EDN АОХQKM

Объективный фетишизм как источник технократизма и иллюзия исключительности искусственного интеллекта

Резванов С.В.

Ростовский государственный строительный университет
Россия, 344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Писарева, д. 8/34
n1kol.p3trow@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является выявление детерминант технократизма, в частности – искусственного интеллекта, являющегося исторической формой технократизма. Реальным основанием такого иллюзорного сознания (заблуждения) является система фетишистских общественных отношений на стадии очередного витка исторической спирали общества. Здесь возникают глубинные историко-диалектические противоречия (преемственность – деструкция) и социокультурные доминанты, обуславливающие некритическое принятие духовно-научных инноваций за первопричины исторического прогресса. «Частичные» субъекты духовного труда автоматически (по умолчанию) принимают иллюзорные объективные фетиши за подлинную реальность. Они отождествляют рефлексию с сознанием *in essential*, а также технологию с первопричиной общественного прогресса в целом, научно-техническую коммуникацию, в частности за сверхъестественную «космическую» исключительность или миссию. Автор показывает, что современные цифровые технологии и ИИ имеют важное историческое значение. Но они не тождественны научно-техническому прогрессу в целом, который включает в себя и иные приоритетные (экзистенциальные) компоненты. В статье указаны исторические формы научно-технического прогресса, начиная с экономического и научного переворота, произошедшего в Англии в конце XVI в.

Ключевые слова: мировоззрение, инсайд, фетишизм, цикличность исторического процесса, многогранность научно-технического прогресса (НТП), технократизм, объективные иллюзии (заблуждения), диалектическая традиции в отечественной философии XX века

Для цитирования: Резванов С.В. 2026. Объективный фетишизм как источник технократизма и иллюзия исключительности искусственного интеллекта. *НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право*, 51(1): 13–23. DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-13-23 EDN: АОХQKM

Objective Fetishism as a Source of Technocracy and the Illusion of the Exceptionalism of Artificial Intelligence

Sergei V. Rezvanov

Rostov State University of Civil Engineering
8/34 Pisarev St., Rostov-on-Don 344019, Russian Federation
n1kol.p3trow@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to identify the determinants of technocratic thinking, specifically AI, which is a historical form of technocracy. The real foundation of this illusory consciousness (delusion) is the system of fetishistic social relations at the stage of the next turn of society's " history

spiral". Here, "deep" historical-dialectical contradictions ("continuity – destruction") and sociocultural dominants arise, leading to the uncritical acceptance of spiritual and scientific innovations as the root causes of historical progress. "Partial" subjects of spiritual labor accept illusory objective fetishes as genuine reality automatically ("by default"). Consequently, they equate reflection with consciousness in essence, and dogmatically identify technology with the root cause of social progress in general, and scientific and technical communication, in particular, with their supernatural "cosmic" exclusivity or mission. The author demonstrates that modern digital technologies (DT) and AI have significant historical significance. However, they are not identical to scientific and technological progress (STP) as a whole, which also includes other priority ("existential") components. The article briefly addresses the historical forms of STP, beginning with the economic and scientific revolution that occurred in England at the end of the 16th century.

Keywords: worldview, the inside, fetishism, cyclical nature of the historical process, multifaceted nature of scientific and technological progress (STP), technocracy, objective illusions (delusions), dialectical traditions in Russian philosophy of the 20th century

For citation: Rezvanov S.V. 2026. Objective Fetishism as a Source of Technocracy and the Illusion of the Exceptionalism of Artificial Intelligence. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 51(1): 13–23 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2026-51-1-13-23 EDN: AOXQKM

Введение

В пределах статьи приходится ограничиться констатацией исходного основания, согласно которому современная эпоха – это новый исторический цикл развития общества в целом, культуры и такого её феномена, как наука (в т. ч. философия) в частности. Каждый новый исторический цикл, или этап, начинается в реальности и в теории социокультурологии с переоценки прошлого состояния общества. Отметим, что такая переоценка существует в широком мировоззренческом диапазоне: от инсайдерского представления о новых явлениях и фактах до консервативного представления, суть которого – нет ничего нового под луной.

К инсайдерскому мировоззрению относиться то, что и вынесено в качестве заголовка статьи. Такое мировоззрение является очередной исторической формой технократизма, который является иллюзорной, но необходимой и даже неизбежной девиацией (оборотной стороной, по-латински – *alter ego*) научно-технического прогресса. Отсюда, с одной стороны, НТП является очередным прогрессивным восхождением общества, в т. ч. его техноструктуры на новую ступень развития путем восхождения от абстрактного к конкретному. С другой стороны, при некритическом восприятии и абсолютизации статуса НТП, в частности ИИ, он становится источником различного рода заблуждений, объективных иллюзий, в частности технократизма.

Нужно отметить, что автор любого локального исследования исходит из определённых предпосылок, которые не могут быть подробно раскрыты в статье. В противном случае тема статьи будет подменена, и речь будет идти уже не о самом объекте исследования, значимом в заголовке, а о тех причинах, которые побудили автора рассматривать этот объект. И это формальное углубление в формальное основание «задним числом» не есть движение вперед. Наоборот, оно есть движение назад, к абсолютно-исходному. Такая логика не является продуктивной (инновационной, развивающей), а есть логика *post factum*, которая ведет теоретика в дурную бесконечность. Поэтому следует сразу зафиксировать ряд отправных принципов, из которых исходит автор, чтобы читателю была понятна авторская позиция и та научная школа, к которой автор примыкает.

В этой связи мы считаем необходимым акцентировать внимание на следующем:
1) объективность идеального понимается как тождество идеального и материального в

историческом процессе созидания инновационных образов и объектов; 2) не догматический, а диалектический, предметно-деятельный (инновационно-деятельный) смысл тезиса: сознание есть движения по контурам предмета; 3) многообразии форм сознания, в частности единство истины и заблуждения.

Указанные принципы были в общем виде сформулированы отечественными исследователями в 60–70 гг. прошлого века. (Именно они, а не только религиозная философия или «проблески феноменологии» конца XIX – начала XX вв. являются главным «золотым фондом» отечественной философии этого исторического периода. Это наследие все еще ждет своего достойного изучения). С одной стороны, они «всплыли на поверхность» и поэтому не могли не стать объектом исследования. Сегодня этот феномен называют «вызовы». С другой стороны, эти вызовы обусловили субъективные ответы со стороны ряда «продвинутых» теоретиков, в виде локальных исследований с попытками универсальной систематизации. Понятно, что об этом нельзя говорить здесь подробно. Укажем здесь, в частности, на работы по систематизации понятий диалектики, их субординации и специфики по отношению к категориям, принципам и т. д. Обобщенно данный тезис сформулирован лидером философов-новаторов Э.В. Ильенковым. Он отмечал: «...поскольку задача систематического изложения диалектической логики может быть решена только коллективными усилиями, необходимо определить хотя бы самые общие принципы совместной работы» [Ильенков, 1974, с. 3]. Укажем также на обобщающие работы, где диалектика представлена как методология и методика психологических, педагогических и т. д. исследований и практик [Лобастов, 2018; Мареев, 2011]. Это касается в особенности инклюзивной психологии и педагогики. К сожалению, сегодня такие исследования как минимум недостаточно проводятся; скорее даже необоснованно оборваны.

Более того, некоторые моменты реальной диалектико-практической логики подвергаются бездоказательной деструкции, можно сказать, фальсификации. Увы, они не получают достойного ответа. Укажем на стремление некоторых молодых исследователей фальсифицировать саму идею генезиса сознания «с нуля» у слепоглохих и в целом идею социокультурной природы генезиса сознания и мировоззрения. Мы не говорим уже о проблеме единства истины и заблуждения, сама формулировка которой вызывает стрессовое недоумение у эмпириков, непонимающих специфику чувственности (созерцания) – рассудка (аналитики) – разума (инновационной практики).

Феномен цифровых технологий и искусственного интеллекта

Последнее обстоятельство непосредственно связано с якобы неожиданным ажиотажем вокруг современных цифровых технологий (ЦТ), искусственного интеллекта (ИИ). Здесь перед нами метаморфозы истинного и ложного. С одной стороны, ЦТ, в т. ч. ИИ, имеют прогрессивный характер. Они выступают как современная историческая форма сложного орудия труда («инструмента»). Создаются предпосылки исторического перехода от негативно влияющего на человека нетворческого к преимущественно к творческому труду. Одновременно происходит освобождение человека от уродующих его сущность механических компонентов деятельности, которой он ограничен в своей жизнедеятельности вообще. В этом процессе «освобождения труда» человек-индивид превращается в человека-личность.

Однако в реальной деятельности необходимо присутствует репродуктивный (воспроизводство) и продуктивный (производство) моменты. Действительно в универсальной деятельности есть такие компоненты, которые являются по своей природе константными, предпосылочными; они не могут быть творческими. Отсюда, в системе деятельно-общественных отношений требуется их максимально-адекватное (идентичное) воспроизводство, т. е. копирование. Указанные константные моменты деятельности и должны быть регламентированы, причем не только внешне-дискретно, в виде

документации (чертежей, образцов, инструкций, наставлений и т. д.), но и в виде механической системы. На этапе глобального статуса или сложности этой механической системы – подчеркнем слово системы – данные регламентно-механические моменты (компоненты) универсальной общественной деятельности требуют адекватно-глобальной координации. Это прогрессивно преобразует их статус из «дискретного элемента» в «континуум системы», выводя регламент на качественно более высокий уровень. Такова, на наш взгляд, миссия ИИ.

Диалектика современного научно-технического прогресса

НТП является объективно-необходимым моментом (лучше: формой) развития общества, что связано с совершенствованием интеллектуальных компонентов труда, в особенности с т.н. цифровыми технологиями (ЦТ), в т. ч. с ИИ. Их использование позволяет оптимизировать человеческую деятельность в различных отраслях общественного производства. Научная, популярная, политическая, административно-управленческая и пропагандистская, литература, различные профессиональные и массовые форумы достаточно убедительно показывают жизненную необходимость ЦТ и ИИ. Однако наряду с подлинными возможностями ЦТ-ИИ существуют и мнимые, иллюзорно-фетишистские нарративы, или мнимые надежды на использование ЦТ-ИИ.

Они дезориентируют административно-управленческие структуры и общество в целом, создают массовые страхи (фобии), ненужное социальное и психологическое напряжение, являются идеологическим и пропагандистским тормозом и демотиватором*. Не отрицая продуктивное значение ИИ, мы укажем на естественные издержки, возникающие вследствие избыточных технократических надежд и неконкретного понимания реальных возможностей любой технологии и, как причину этого, – неконкретное понимание целостного исторического процесса. Прежде всего, это касается диалектической противоречивости, особенно т.н. спиралевидности или цикличности исторического процесса.

Цикличность истории – завершении одного цикла и начало другого – выявляет («представляет») и в этом смысле обнажает на каждом новом этапе развития истории общества («исторической спирали» – Гегель), особенно в его начале, **основание** этого развития. Преемственность и в этом смысле сохранение накопленных в прошлом ресурсов не относится ко всем особенностям и частностям предшествующего исторического процесса. Эти частности негативно отрицаются (феномен деструкции), что и позволяет социокультурному основанию (базису) конкретно предстать перед глазами объективно-мыслящих исследователей в «чистом виде». Но субъекты профессионально-ограниченного сознания не сориентированы на подлинный базис истории и поэтому они не видят его обнаженно-чистого вида. Наоборот, все их внимание сосредоточено на второстепенных и подвергаемых деструктивности «периферийных» явлений истории, которая принимается ими за единственную сущностную реальность. Иными словами, периферия принимается за базис, основание как науки и техники, так и общества в целом. Так формируется в ограниченно-профессиональном сознании частичных мыслителей образ «общества наоборот», или вверх ногами.

Первичным в таком их «перевернутом» представлении (сознании) оказывается не система опредмеченных инфраструктурных и социальных «живых» отношений, а одна из ее частных окостенелых технологических – форм. Подчеркнем, что инновационная технология в целом оказывается приоритетной темой, предметом **первостепенного**

* Мы не останавливаемся здесь на рассмотрении негативных возможностей использования ЦТ-ИИ в практике враждебной, в частности, нацистской пропаганды, использующей схемы манипуляции сознанием, как молодежным – по понятным причинам – так и сознанием иных страдающих инфантилизмом и невежеством категорий населения. Это предмет комплексного обширного исследования, где теоретический анализ фетишизации любых технологий есть лишь один из его аспектов, которым мы здесь ограничились.

политического и идеологического внимания. Она приобретает статус когнитивной первичности (исходности), столь же когнитивно отождествляемый с социокультурной первичностью. Иными словами, административно-политическому сознанию представляется (кажется), что даже не технико-технологический, а просто технологический компонент универсальной деятельности является первопричиной общественного прогресса. Такова же причина индетерминантности-исходности-первичности технологий вообще, ИИ в частности. По такой же логике формируется иллюзорно-инсайдерское мировоззрение «наоборот» и претенциозный элитарный тезаурус «райского сада» – святилища цифровых любомудров. Как тут не вспомнить доктора алхимика-мага Вагнера из «Фауста» И.-В. Гете или магистра игры Йозефа Кнехта из «Игры в бисер» Германа Гесса.

Поэтому указание на исторический характер современной цифровизации (ИИ) является с субъективной стороны шокирующим фактором для самих IT-идеологов. Они-то считают, что являются персонифицированным Инсайдом, что они, образно говоря, единственные и неповторимые, которые, то ли «упали с неба», то ли соскочили с пролетающего мимо Земли астероида или даже межзвездного объекта! С объективной же стороны указанное обстоятельство – предьявление того факта, что цифровые технологии и их субъекты не «упали с неба» и что ИИ как пример таких технологий является далеко не первым историческим этапом научно-технического прогресса – дает возможность кроме технического позитива раскрыть природу паразитирующего как его alter ego технократического фетишизма.

Мы уже говорили, что со своей положительной стороны современный этап НТП в форме т. н. цифровых технологий (ЦТ) является эффективным средством, орудием, или, модно выражаясь, – инструментом деятельности. Значит, ЦТ-ИИ – сложное орудие труда, интеллектуальный компонент (момент), который многоэтапно в пространстве и во времени дистанцирован от физического компонента. Данное «разделение труда» (в научном, а не популярном смысле слова) является основанием для (1) абсолютизации и (2) инверсии интеллекта. На его базе возникает феномен «замещения» оригинала упрощенной и, отсюда, его искаженной копией. Надо отметить, что этимологически и логически слово «замещение» происходит от слова «компенсатор» (лат.), «эрзац» (нем.), т. е. неадекватный заменитель, в просторечии – суррогат. Классики использовали данным случае латинское выражение; *quid pro quo* (одно вместо другого). Это очень важный вопрос, но он выходит за пределы настоящего исследования. Для пояснения авторской позиции мы вынуждены сослаться на нашу работу [Резванов, 2011].

В массовом и профессиональном сознании закономерно возникает иллюзия (заблуждение), состоящее в том, что результат деятельности имплицитно и неререфлексивно отождествляется с элитной деятельностью. Тогда получается, что она: 1) ограничивается функционированием интеллекта; 2) продукт общественно-универсальной реально-предметной деятельности создается исключительно силой интеллектуальных, в данном случае формально-математических конструкций. Отсюда возникает и иллюзорное представление о возможности автономного прогресса этих идеальных (в д. сл. цифровых) конструкций и их «материальных» (точнее: вещественных) носителей – «компьютерного железа». Отметим, что само слово «компьютер» – латинско-английской этимологии (*computāre* – лат.; *computer* – англ.). Раньше, полвека назад, это называлось: «счетно-решающее устройство», по сути дела сложный механизм, приспособление для оптимизации профессионально-коллективной механической деятельности. Ничего сверхъестественного, метафизического в нем нет. Он не ограничен и тем более не социален. Поэтому даже непосредственная постановка и тем более обсуждение вопроса о субъектности (субъективности) ИИ лишена всякого логического основания.

Кстати говоря, само выражение «искусственный интеллект» есть недоразумение, казус, тавтология; это – искусственная искусственность или интеллектуальная

интеллектуальность. Не бывает натурального интеллекта! Словосочетание ИИ – *contradictio in definitione*. В природе, в т. ч. в природе человека как «*homo naturalis*» (но не в коннотации Ж.-Ж. Руссо, как человека природы, не испорченного «злым обществом»), даже на переходных этапах от пред-человека к человеку *in essentia* о «натуральном» интеллекте можно говорить лишь потенциально (Б.Ф. Поршнев). Первоначально предпосылкой сознания является коллективная объединительная сила в форме инстинктивных действий оппозиционного типа. Например, это относится к защитным действиям стада (части особей стада) обезьян при отражении атак крупных хищников в критической ситуации, когда нет возможности скрыться и спрятать свое потомство. Далее все происходит согласно гипотезе социоантропогенеза [Поршнев, 1974].

Тогда, согласно имеющимся гипотезам, пред-человек использует фрагменты природы (флоры) как орудия деятельности (в д. сл. оборонительной). Опосредующе-усиливающий и, не побоюсь сказать, инновационный – момент «мертвых» фрагментов природы приобретает «живой» смысл орудия труда, функционально сливаясь с естественными органами предчеловека. Возникает экстремально-рефлексивная, контр-рефлексивная форма действия, пред-деятельность, пред-разум, который генерализирован в этом первичном орудии «труда». Это и можно назвать коллективным использованием природы против самой природы или культурой, разумеется, в ее первичной форме.

Функционирование этого предмета есть медиация или опосредованность как таковая. Ее дальнейший прогресс приводит к спецификации или выделению объективно-идеальной формы деятельности человека, т. е. сознания, в частности разума (интеллекта). Кстати говоря, в контексте модной терминологии такая надприродная, метафизическая сила – гено-культура – не имеет физической дискретности, не овеществлена или не опредмечена в отдельном физическом предмете. Здесь перед нами раскрывается панорама уникального явления – наглядного совпадения идеального и материального. Объективно-идеальное – гено-культура («первичная культура») – совпадает здесь с такими же «первичными» пост-формами природы, отрицающими себя как классические природные (или натуральные) формы¹.

Хрестоматийная эмпирическая история начинает отсчитывать генезис орудий труда с простейших «орудий труда»: палки-копалки, каменного топора и ножа, механически адаптированных деревянных фрагментов природы. Они, – как один из вариантов – находятся пра-человеком в готовом виде как отмершие останки бывших природных целостностей: 1) механических (горных массивов, окаменелостей); 2) органических (деревьев, кустов, останков животных...). Как другой из вариантов, эти первичные орудия труда «отделяются» от указанных исходных целостностей с помощью инстинктивных, но коллективных, или стадных действий высших животных. Но это следствия или явления социогенеза. Его причины и сущность состоят в другом – в возникновении стадно-коллективной потребности, лучше сказать, в возникающей системной установки на действия над-природного, мета-природного типа (или формы). Первоначально, что было отмечено, они выглядят как экстремальные действия объединено-защитного типа. Именно эта объединенность, как бы это ни казалось странным обыденному или непоследовательному специальному (или непоследовательному «профессиональному») сознанию, есть первое орудие труда – отчуждаемая идеальная объективность, рискну сказать, персонифицированная во внешне-вещественных субстанциях².

¹ Мы исходим здесь из работ Б.Ф. Поршнева, особенно его монографии – О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М. 1974. 487 с. Гл. 1.

² Данное отчуждение (простраственно-временное отделение) духовного момента деятельности, может быть скрыто в случайном или «пестром» многообразии форм некапиталистического общественного производства. Лишь в индустриально-капиталистическом обществе духовные моменты деятельности дистанцируются и даже становятся антагонистичными материальным (точнее: субстратным) ее моментам. И это с учетом современных особенностей – отдельная обширная тема исследования. Объективный

Они количественно мизерны, но этой мизерностью нельзя пренебречь. Наоборот! Она-то и есть подлинная сущность первичной или генетической культуры, стоящая как бы «за спиной» познающего субъекта, в данном случае историка-эмпирика, и застилающая ему глаза своим вторично-остаточным природным избытком. Отсюда, поверхностно-эмпирическое сознание не может «видеть» (фиксировать, понимать, осознавать...) данную культурную или объективно-идеальную сущность. Эмпиризм, сводя познание к коллекционированию чувственно-фиксируемого (чаще с помощью зрения) хлама. Однако, как бы это ни казалось парадоксальным, эмпирик (в т. ч. обыватель) видит скорее не глазами, а носом, точнее: его кончиком, которым он дистантно «водит» по контурам предметов мира. Руки при этом тоже совершают микродвижения. И это можно заметить, глядя на руки музыканта, слушающего музыку, художника, видящего как его коллега рисует, спортивного тренера, например, идущего по краю бассейна рядом плывущим подопечным и т.д. Во всех этих и подобных им случаях реальные руки «попечителя» идеально (виртуально) имитируют действия реального субъекта. Даже здесь в примитивной форме осуществляются действия «по контурам предмета», правда, это движение ограничивается замкнутым механическим контуром. Под последним мы имеем ввиду действия по алгоритму с минимальными инновациями ситуативно-случайного типа. Подчеркнем, что диалектика как «движение субъекта познания по контурам предмета» сохраняется, будучи, однако, ограничена простыми (примитивными) внешними контурами вещественно-природных оболочек.

Поэтому сознание вообще, разум в частности, интеллект в еще большей частности есть действие с орудием труда общественно-целесообразным образом. Можно сказать, что сознание есть форма (формообразование) деятельности, или труда. В условиях фетишизма – отчуждения или разделения труда – одна из форм сознания (в д. сл. интеллект) может приобрести форму сложной ретроспекции. При этом инновации редуцируются до селективности или оформительства, можно даже здесь сказать – «администрирования». Данное обстоятельство создает предпосылки заблуждения (иллюзии), репрезентируя понимание «администрирования» как якобы единственную форму творчества (сознания).

Создается исторически необходимое орудие селективного действия или «инструмент регистрации» заданных извне сложных математических программ для усиления интеллекта в информационном универсуме. Отчуждение (глобальное дистанцирование) индивида от общества и здесь – индивидуального субъекта, отождествляемого с коллективным субъектом [Лекторский, 1980], создает иллюзию «создания нового продукта». Да, этот продукт является новым для отчужденного («частичного») индивида. Но он не является новым для общества. Образно говоря, чемпион мира по шахматам может быть легко обыгран обыкновенным «лузером»... в теннис. Таким же образом, Нобелевский лауреат по физике может быть обывателем, изрекающим банальные суесловия в области иной, чем его специальность, например, философии (методологии, теории познания...), и его сможет легко «обыграть»

фетишизм в условиях капитализма, порождающий указанное отчуждение и тотальную вещественную «кулису» для объективно-идеальных форм («моментов») деятельности, представляет («репрезентирует») их поверхностному исследовательскому сознанию как «позитивный» факт. Отсюда, такое поверхностное исследовательское сознание вполне удовлетворяется фиксацией вещественных – и в этом смысле пустых – оболочек объективно-идеального. Есть и иной вариант «позитивного» сознания, который можно назвать экзистенциалистским. Он, обнаружив, скрытую «экзистенциальную сущность», не доводит свое исследование до понимания объективной необходимости ее внешне-вещественного оформления. Содержание и форма, образно говоря, уподобляются постиранной вещи, сохнувшей на бельевой веревке, прикрепленной отдельно друг от друга разными прищепками. Именно это обстоятельство очень хорошо показано К.Марксом, когда он писал: «Выражение Галиани: «Стоимость есть отношение между двумя лицами», следовало бы конкретизировать следующим образом: «отношение, прикрытое внешней оболочкой» (Маркс, 1960. С. 84, примеч.).

академический философ: аспирант или молодой кандидат наук. В этой связи цифровой регламент в образе ЦТ-ИИ функционирует в регулируемых общественным субъектом системах (виртуальном пространстве) и по регламентам созданных им же (или его репрезентантами, т. е. специалистами-инноваторами) по готовым алгоритмам (программам, регламентам, порядкам использования, инструкциям, приказам и т. п.). Скорее всего, цифровизация – это сложное «оформительство», сложная «упаковка» информации, своего рода администрирование наличных универсально-системных информационных ресурсов. Если потребитель такого ресурса обращается с вопросом к ИИ, то последний может представить в результате функционирования по имеющейся программе реконструктивную обработку запрошенной информации из наличного объема информации (из глобальной сети). Таков будет «ответ» ИИ.

Форматы предоставления здесь следующие: классификация, историография, библиография, текстуальные авторские рецепты и т. д.). Но если задача будет поставлена ИИ проблемно-противоречиво, т. е. с целью получения инновационного содержания, то никакого предметного ответа потребитель не получит. Вместо этого он получит регистрацию тематических источников и репрезентативную статистику уже имеющихся в глобальном тезаурусе авторских рецептов, где эта противоречивая проблема формально поставлена. Но она в сущности (тенденции) не понята, поэтому путь к решению данной проблемы по существу ИИ-ту закрыт! И в начале – при введении программы в ИИ в виде постановки задачи, и при получении результата – неизбежной инновационной обработке следствий функционирования ИИ мы «видим» человека-программиста, который-то и есть подлинный «кукловод» нашего цифрового робота-манипулятора. Например, в нашем случае ИИ транслирует ответ: кто и что говорил об отрицании отрицания, о якобы возврате к исходному, преемственности в развитии и даже об относительном и абсолютном отрицании. Но если обратиться к ИИ с вопросом, что именно подвергается абсолютному отрицанию, деструкции, а что сохраняется в качестве преемника, то мы получим простое повторение: «Отрицается лишнее или зряшное, сохраняется необходимое и полезное». Читатель может сам поэкспериментировать в указанном формате.

Мы специально акцентируем внимание читателя на том, что в нашем изложении обращение к феномену ИИ осуществляется в пассивном залоге. Это представляется нам правильным, т. к. в языке активный залог как грамматическая конструкция используется в качестве подлежащего, т. е. субъекта – инновационно-активного начала, совершающего действие. Однако ИИ не совершает никакого инновационно-активного действия. Поэтому он используется в настоящем тексте исключительно в пассивном залоге. Можно выразиться категоричнее. На самом деле ИИ – это автомат, который действует строго по программе, он «способен к инноватике» лишь в той мере, в какой к этой инноватике способен его создатель, программист. ИИ не является субъектом, он есть «онаученный» объект, сверхсложное, но лишь механическое орудие труда. Да, он мгновенно решает всякие «витиеватые» задачки, где нужно, например, путем манипуляции переставить спички, «исправив» исходное уравнение, т. е. вернуть его к правильному виду («регламенту»). Можно привести и другие примеры, но и сказанного достаточно. Функционал ИИ исчерпывается ретроспекцией информационных дискретностей к регламенту или догме. Иногда это оправдано, иногда нет; оправданно как ретроспекция, например, в исчислении плагиата, в документообороте, архивном поиске и т. п. Неоправданно, когда от ИИ ожидают, что в результате его функционирования может быть создано новое знание, тем более новые регламенты, программы (в т. ч. для самого ИИ) и проекты глобального (особенно организационно-управленческого) типа.

Исторические типы НТП и исторические формы технократизма

Впрочем, сказанное не является оригинальным. 20-е годы 21 века не упали с неба. Идея НТП имеет длинную историю. Она начинается с возникновения первой науки в

Англии (Королевское общество – позднее: Английская академия наук) в конце XVI – начале XVII вв., а затем и первых технических открытий, послуживших предпосылкой промышленного переворота в XVIII в. Затем, можно предположить, что очередной этап прогресса НТП состоялся в конце XIX – начале XX в. Имеется мнение о том, что следующие этапы НТП произошли в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. И были осознаны в 60–70-х гг. этого же века. И сегодня, согласно имеющимся исследованиям, мы находимся на пороге нового этапа НТП. Не конкретизируя историческую классификацию этапов НТП, скажем в общем виде, что в литературе имеются исследования, посвященные возникновению науки и технологий и, разумеется, сущности промышленного переворота, анализу различных исторических этапов (форм) НТП. Отметим здесь лишь «одним мазком» то, что серьезный вклад исследование данной проблемы внесли представители Ростовской философской школы. Полное раскрытие данной тематики – чрезвычайно объемный и многосторонний труд большого коллектива ученых.

Отметим, что наряду с исторической и логической типизацией НТП менее исследована природа, функции и социальное влияние его неизбежного спутника – технократизма как формы (формообразования) иллюзорного, объективно-ложного сознания. Основы технократической утопии мы находим в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона. Но и современные технократические идеологии, разного рода неоутопии, превращают цифровые технологии в панацею от всех социальных болезней и антагонизмов. Они якобы обеспечивают переход или даже скачек к обществу благоденствия. Существует и обратная сторона технократического мировоззрения, где утопия превращена в антиутопию. Но это – историческая диалектика генезиса технократического заблуждения. Его же логическая диалектика состоит в том, что объективно-технократические иллюзии основываются на реальных обстоятельствах, точнее, на инверсии настоящего – фактического – и будущего – тенденционального – состояний общества.

Выводы

Конечно, внешние обстоятельства – «ведомственная» мировоззренческая ограниченность исследователей, презентативная ведомственная гиперболизация, наконец, ожесточенная борьба за государственное финансирование перспективных проектов и т. п. – оказывают негативное дезадекватное влияние. Но, в сущности, дело состоит в том, что субъективно-деятельная сторона творческого процесса делает первичным этот презентативный, оформительский компонент коллективной инновационной работы. IT-специалисты становятся не только «технологами», но и идеологами современного этана НТП. Поэтому и весь мир оказывается автоматически представленным им как мир, базирующийся на технологиях. А их участие в пропаганде технологизма консервирует технократизм в их частичном сознании и мировоззрении.

Где-то на периферии такого утопического мира виднеются технические, индустриальные, экономические, наконец, социальные ресурсы и движущие силы НТП. Таким образом, происходит превращение объективно-научного знания в субъективно-идеологические девиации. Мир закономерно становится «на голову». Голова, а точнее ее небольшая часть, незаметно подменяет все другие ее части и органы тела общества. Этот техно-идея-центризм оказывается системой социальных установок на восприятие действительности, т. е. мировоззрением, «приватизированным» в эмпирико-практическом смысле узкой группой ученых – IT-специалистов и связанных с ними управленцами. Первопричинный статус превращения технократизма в данном корпоративном (отчужденном) сознании детерминирован фетишистско-технократическим мировоззрением (системой объективно-девиантных социокультурных установок, еще глубже – объективными историческими противоречиями), обеспечивающим принятие технократизма априори. С другой стороны сами IT-специалисты стихийно – по умолчанию, т. е. в своих рефлексиях, выступая в роли экспертов в медийно-

пропагандистском пространстве, – обеспечивают научное (точнее, псевдонаучное) обоснование технократизма. Этим ЦТ как частный случай универсальных технологий превращаются в джина, почему-то и как-то выскочившего из бутылки и готового выполнить любые желания. Но при последовательном рассуждении с этой логико-фетишистской позиции из данного конгломерата псевдонауки, идеологии и политики возникает образ уже не доброго джина, а устрашающего цифрового монстра – своего рода левиафана, который может подчинить своей воле все человечество и уничтожить его. И далее, почти как у Т. Гоббса, социальным философам предлагается то ли заключить с этим левиафаном договор (консенсус), то ли сдаться ему на милость, то ли покончить жизнь самоубийством, то ли искать рыцаря-победителя таких монстров. За каждой из этих версий стоят целые идейные (философские, политологические) и практико-политические направления (технологии, школы, методики). При этом упускается из виду то, что данный монстр есть порождение объективно-иллюзорного сознания. Его частичным или эмпирическим субъектом является коллективный программист, а универсальным субъектом является фетишизм объективно-исторического процесса – уродливого общества господства капитала. Но это копия, безликая декорация, в языке – местоимение. Но у него есть совокупное имя – сообщество владельцев транснационального капитала. Вот подлинный монстр и левиафан, только не сказочно-фантастический, а вполне реальный! Он вооружен, усилен различными «декорациями» и «местоимениями!» Но это уже предмет иного, значительно более обширного исследования и обсуждения.

И совсем коротко о вариативности иллюзорного сознания. Собственно говоря, фетишизм есть *quid pro quo* (одно вместо другого), эрзац вместо оригинала. Примеров здесь бесконечно много. От т. н. болонской системы образования, в которой нет ни системы, ни образования, далее – до т. н. рыночного общества, где нет опять-таки ни рынка, ни общества. Я мог бы сказать здесь и о феномене т. н. красных профессоров, позднее – «цековских академиков», которые изуродовали общественное сознание, в частности марксизм, поставив на его место пролеткультовский прагматизм и субъективно способствовали созданию современного мира объективных иллюзий, в которых мы во многом живем. Вынужден сослаться на свою раннюю работу, которая в полном виде была опубликована только в 2011 году: «Товарищи красные профессора особо не утруждали себя изучением истории культуры, в том числе и ее составляющей – марксизма, который якобы защищали и развивали. Под их бойким пером культура, в том числе и марксизм, растворились в "высоконаучных" интерпретациях. Дважды по большому счету и многократно по мелочам перелицованный марксизм, предстал в образе "диамата-истмата" с его "деревянными" законами, принципами, чертами (само слово говорит само за себя). Поколебать этот примитивно-рефлексивный философский "поп-арт" было в принципе невозможно. Об этом приходится говорить специально, ибо у современных теоретиков, пытающихся разобраться в идейных перипетиях советского периода истории России, причины тех, или иных катаклизмов не столько ищутся, сколько умозрительно "додумываются"... Предполагать, что малограмотные красные профессора [будущие "цековские академики" и их правоверные ученики – С.Р.]... могли разобраться в диалектике – значит делать им комплимент, которого они, как не примут, так и не заслуживают... Диалектика была им не нужна. Им было все-равно, что защищать: диалектику (которая под их пером превратилась в свою противоположность – эклектику), материализм, советский строй или вообще что угодно, хоть черта с рогами. Главное, что они защищали – это свое "теплое хлебное место" в крайнем случае – свою "шкуру" [как «следуя генеральной линии партии» и облизывая начальство, так и отклоняясь вместе с "генеральной линией" и опять-таки облизывая – но уже новое, начальство – С.Р.]» [Резванов, 2011. С. 168].

Вместе с тем мы не должны относиться к ИТ-специалистам как непримиримым оппонентам. Мы с ними по одну сторону баррикад! Поэтому наша задача состоит в том,

чтобы найти системные, убедительные аргументы, помочь им понять принципиальное различие между современными IT-технологиями, которые есть безусловная тотальная истина и благо, и их идеологическими кривозеркальными образами, которые есть также безусловное тотальное заблуждение и зло.

Список литературы

- Ильенков Э.В. 1974. Диалектическая логика. М., Политиздат, 273 с.
Лекторский В.А. 1980. Субъект. Объект. Познание. М., Наука, 357 с.
Лобастов Г.В. 2018. Философия как форма сознания. М., Русская панорама. 262 с.
Мареев С.Н. 2011. Мыслить. (Избранные статьи последних лет). М. Изд-во Современного гуманитарного университета, 587 с.
Маркс К. 1960. Капитал. Т. 1. (Сочинения. Изд. 2. Т. 23). М., Политиздат, 797 с.
Поршнева Б.Ф. 1974. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., Мысль, 487 с.
Резванов С.В. 2011. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. М., Ростов-на-Дону, Изд. РГСУ, 335 с.
Резванов С.В. 2013. Философия социальной культуры: генезис, структура, функции и феномены мировоззрения. Ростов-на-Дону, РГСУ, 411 с.

References

- Ilenkov E.V. 1974. Dialekticheskaya logika [Dialectical Logic]. Moscow, Politizdat, 273 p.
Lektorskii V.A. 1980. Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie [Subject. Object. Cognition]. Moscow, Nauka, 357 p.
Lobastov G.V. 2018. Filosofiya kak forma soznaniya [Philosophy as a Form of Consciousness]. Moscow, Russkaya panorama, 262 p.
Mareev S.N. 2011. Myslit'. (Izbrannye stat'i poslednikh let) [Thinking. (Selected Articles of Recent Years)]. Moscow, Izd-vo Sovremennogo gumanitarnogo universiteta, 587 p.
Marks K. 1960. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1]. (Sochineniya. Izd. 2. T. 23 [Works. 2nd ed. Vol. 23]). Moscow, Politizdat. 797 p.
Porshnev B.F. 1974. O nachale chelovecheskoi istorii (problemy paleopsikhologii) [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Moscow, Mysl', 487 p.
Rezvanov S.V. 2011. Filosofiya sotsial'noi kul'tury: priroda illyuzornogo soznaniya [Philosophy of Social Culture: The Nature of Illusory Consciousness]. Moscow, Rostov-on-Don, Izd. RGSU, 335 p.
Rezvanov S.V. 2013. Filosofiya sotsial'noi kul'tury: genezis, struktura, funktsii i fenomeny mirovozzreniya [Philosophy of Social Culture: Genesis, Structure, Functions, and Phenomena of Worldview]. Rostov-on-Don., RGSU, 411 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.04.2025

Received April 29, 2025

Поступила после рецензирования 29.07.2025

Revised July 29, 2025

Принята к публикации 28.02.2026

Accepted February 28, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Резванов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры права, культурологии и психолого-педагогических дисциплин, Ростовский государственный строительный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Rezvanov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Law, Cultural Studies and Psychological and Pedagogical Disciplines, Rostov State University of Civil Engineering, Rostov-on-Don, Russia.